

Л. В. Левшун

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ *ТВОРЧЕСКОЕ* И *ХУДОЖЕСТВЕННОЕ*
В КУЛЬТУРЕ SLAVIA ORTHODOXA

В современном научном дискурсе, так или иначе связанном с проблемами творчества и художественности, эти два понятия если не отождествляются полностью, то взаимопредполагаются как атрибуты друг друга. При этом художественность, как правило, тесно связывается со сферой эстетического

и понимается как специфическое качество искусства, форма прекрасного, высшая категория эстетического наслаждения в единстве этической, логической и эстетической составляющих или, как полагал, например, В. С. Соловьев, единство блага, истины и красоты. При этом не многие из исследователей осознают, что данное понятие является «объективно переменной величиной» (В. В. Бычков) и меняется по мере изменения этических, эстетических, социальных и др. идеалов в культуре. И даже отмечая, что в некоторых культурах (или в некоторые периоды развития той или иной культуры) художественность может быть метафизическим основанием эстетического опыта, исследователи рассматривают это понятие с точки зрения эстетики. Между тем обращение к художественному канону *slavia orthodoxa* показывает, что таковое представление не абсолютно истинно и позволяет вывести понятие художественности в сферу онтологии.

Так, в культуре древней Руси (органической части культурного ареала *slavia orthodoxa*) обнаруживается изначальное противопоставление двух понятий, которые обозначают два различных понимания творчества и отражают два разных способа создания художественных образов: *художество* и *хытрость*. Доказательством тому может служить омонимичность их значений в современных словарях, где и *хитрый*, и *художный* толкуются совершенно одинаково – как ‘ловкий, сведущий, опытный’. Однако очевидно, что ни один язык не допустит сосуществование в своей лексике абсолютных семантических дубликатов: и именно омонимичность значений заставляет предположить, что эти термины некогда имели принципиально разные семантические оттенки.

Этимологическая праславянское *хуѣръ*- возводится историками языка к **хутити* и **хватати*, ‘неправедно захватывать’. Вместе с тем словами *хытръ* и *хытрыць* в древних рукописях передаются греческие термины *τεχνικός*, *τεχνίτης* и даже *ρήτωρ*, чем подчеркивается технологический акцент употребления этого термина. Причем *хытрость* обозначала, скажем так: онтологический обман, т. е. обман, затрагивающий основы Божия мироздания. Тот обман, чьи последствия не столь катастрофичны, назывался *клюка*, как, например, в известном рассказе «Повести временных лет» о том, как княгиня Ольга *переклюкала* византийского императора.

Действительно, контексты известных древнерусских произведений дают основание утверждать, что *хытрость* в представлениях писателей иницировалась и создавалась самим книжником – человеческим разумом и послушными ему руками «на сущих сдравых органах телеси, удех всех телесных», как отмечается, например, в «Диоптре» Филиппа Пустынника, то есть без чьего-либо постороннего участия и помощи. Именно так, как в секулярной культуре создаются «художественные произведения». Следовательно, *хытрости* можно было обучить и/или обучиться. Показательно также, что средневековые писатели называют Господа «Хытрецом», «Хытростыником», «Хытрокозьником» всего мира, поскольку Он действи-

тельно самовластный и самочинный Творец и Создатель мироздания. Отсюда возникает немаловажный для понимания критериев художественности в культуре *slavia orthodoxa* смысловой оттенок в понятии *хытрецъ*: это либо Бог, либо тот, кто подменяет собою Творца, узурпирует Его права, уподобляясь «обезьяне Бога» – дьяволу. Таким образом, семантическое поле понятия *хытрость* наполняется дополнительными значениями ‘обмана, лукавства, лжи, кощунства, прелести’, что подтверждается соответствующими контекстами, а также сохранившейся в современном языке семантикой этой лексемы.

Понятию *хытрость* в культуре *slavia orthodoxa* противопоставлялось понятие *художество*, этимологически возводимое к индоевропейскому **hond*, ‘рука’. Его значение, опираясь на контексты древнехристианских произведений, можно определить примерно так: *художество* – то, что создано человеком, который ощущает себя руками (инструментом) Бога. Иначе говоря, это – воплощенная в меру сил человеческим несовершенством совершеннейшая идея Бога-Творца.

Таким образом, *хытрость* – как произведение человеческое – не могла не погрешать против Истины; *художество* же – как инспирированное Творцом – возвещало именно Истину, пусть и худо выраженную человеком. В переведенной в XIV в. «Диалектике» свт. Иоанна Дамаскина читаем: **«Хытрость есть иже в нечесомь погрешающи <...> художество же – иже ни в чесом же погрешающи».**

Очевидно, что *художество* в культуре *slavia orthodoxa* соотносимо с философским «божественным безумием», охарактеризованным Платоном; промежуточные между *художеством* и *хытростью* формы творчества – с «мусическим» типом творчества; *хытрость* же – с неинспирированным свыше творчеством софиста и другими видами самотворчества в системе Платона. Описанные Платоном типы творческой инспирации порождены, разумеется, вовсе не христианским учением и позволяют предположить, что обнаруженное явление относится к парадигме культурного генезиса в целом и, следовательно, проявляется в любой культуре.

В художественном каноне *slavia orthodoxa* именно *художество* мыслилось как творчество в высшем смысле, как истинное, или собственно творчество. И наоборот: всякое истинное творчество, независимо от его области, материала и конечного «творческого продукта» (будь то написание жития святого, устройство монастыря, подвиг затворничества и т.д.), именовалось *художеством*.

В этом смысле на позициях культуры *slavia orthodoxa* (схожих, как мы увидели, с позицией Платона) в соотношении «художественного» и «творческого», «откровенного» и «изобретенного» стоял В. Г. Белинский, различая в «Идее искусства» и «Разделении поэзии на роды и виды» поэзию (под которой разумелись «творческие», «откровенные» произведения, отождествляемые критиком с собственно художественными или иначе – произведе-

ниями искусства) и **беллетристику**, или собственно литературу, отождествляемую с произведениями ремесла, – нетворческими, «изобретенными», «механическими».

В одной из статей «Изборника 1073» обнаруживается такая сентенция: «творитвѣная и ветийская и хытростное изобретение <...> имже туск лъжа есть; ни творитвѣная бо състояться можетъ кроме коштюны, ни ветийство кроме хытростнааго глаголанія, ни софистики кроме премышлаи», – иначе говоря, всякого рода самосмышленное (= *хытростное*) прекраснословие есть ни что иное, как ложь, кощунство и неблагочестивая фантазия.

Вместе с тем внутри словесного *художства* в культуре *slavia orthodoxa* художественны все без исключения жанры, в том числе и те, которые в секулярной культуре считаются нехудожественными: завещание, поучение, летопись, житие, переписка апологетического, полемического, катехитического и пр. характера и т. п., что единодушно признается всеми медиевистами. Причем настолько единодушно, что, как правило, не оговаривается. Иначе говоря, в секулярном научном дискурсе такие понятия, как *художественность* и *искусность* фактически отождествляются, в культуре же *slavia orthodoxa* они часто противопоставляются, как результаты разных типов творчества. И если в секулярной культуре художественность вещи и ее утилитарная ценность, по мысли А. Ф. Лосева, могут как совпадать, так и совсем не совпадать, то в *художстве slavia orthodoxa* художественность созданной вещи – в том специфическом для христианского мировосприятия понимании *художства*, о котором у нас шла речь выше – выступала необходимым и достаточным условием, но также и критерием ее утилитарной ценности. Вместе с тем утилитарная ценность «творческого продукта», в свою очередь, была одним из свидетельств, а если точнее – одним из проявлений художественности. Сотворенное по заданию и мысли Творца, по подобию Божия творения и при обязательном в этом случае содействии Святого Духа не могло не быть ценным, полезным, удобным и т.п. А если вдруг оно не оказывалось таковым, то причиной тому полагалась недостаточно развитая способность реципиента адекватно воспринять и использовать данный «продукт творчества». Проявления этой неадекватности восприятия очевидно в спорах иконоборцев и иконопочитателей; паламитов и варлаамитов; осифлян и заволжских старцев и т.п.

Попытка объяснить этот феномен приводит все к тому же специфическому представлению о творчестве и критериях художественности в христианской культуре. Ведь с точки зрения художественного канона *slavia orthodoxa* художественно все то, что, по слову свт. Иоанн Дамаскина «путьводителъствует к знанию и откровению сокрытого» (De imag. III. 16). Однако, согласно христианской теории образа, всякий материальный (в том числе и словесный) образ *художства* всегда восходит (а это значит, что и возводит!) к своему Первообразу, то есть к идее Творца о данном предмете/явлении, и возможен постольку, поскольку существует этот последний. Поэтому

степень художественности в культуре *slavia orthodoxa* зависит, в первую очередь, не от формы и способа изображения и даже не от силы и качества эстетического воздействия на реципиента, но от полноты и чистоты проявления Первообраза в сотворенном художником образе.

Это свойство и обязательное условие образа в художественном каноне *slavia orthodoxa* – быть «документальным подтверждением» бытия Первообраза – как раз и позволяет христианской книжности столь органично сочетать в себе поэзию идеального преображения с прозой достоверного факта, переводя само понятие художественности из области эстетической в сферу онтологического.